

Жон медленно шел, изо всех сил пытаясь разглядеть мир за пределами чёрного камня и дыма. Свет луны проникал сквозь разбитый обсидиан стен башни, разбиваясь о разбросанные обломки. Частички пыли плавали в воздухе, танцуя в столпах света. Единственное движение, которое существовало в мире, казавшемся потерянным для самого времени. Под стеной, наполовину пробив её, слегка тлел дирижабль. С потрескиванием огня большой кусок корпуса Булльхеда сдался, рухнув на землю с жутким грохотом. Несмотря на шум, никто не двигался и не кричал.

Туман заволакивал ум, но Жон продолжал ему сопротивляться. Его горло пересохло, а голова стала тяжелой. Одна рука потянулась, чтобы схватить Сросеа Морс и подтянуть его поближе. Он упёрся лезвием в каменный пол, используя его как рычаг, чтобы помочь себе встать. Даже тогда его ноги почти подкосились, угрожая подвести его ещё раз. Голубые глаза, полные усталости, осматривали мир вокруг.

Всё это наконец-то закончилось? Они победили?

Если да, то где были крики радости?

Одна нога скользнула вперед, перенося на себя весь вес. Поход раненого охотника был медленным, перемежающимся со звуками волочения и ударов мечом предков, использовавшимся в качестве банальной трости. Дым от огня закрывал большую часть обзора. Жон кашлянул и попытался отмахнуться от него, остановившись, когда его глаза заметили знакомые цвета: зелёный, белый и оранжевый.

— Рен? — Жон задохнулся и на мгновение не узнал свой голос. Голос был колючим и изломанным. Он покачал головой, когда ему не ответили. — Нора? Ты в порядке?

Его собственное дыхание было единственным ответом. Он наклонился к ним, позволяя Сросеа Морс с грохотом упасть на землю. Парень сделал то же самое, падая на колени и протягивая руки к ним. Его руки коснулись плеча Рена, и он знал, что увидит, ещё до того, как перевернул его. Тело его друга было холодным, слишком холодным. Эти розовые глаза, такие необычные на первый взгляд, теперь выглядели унылыми и пустыми. В них не было ни света, ни искры разума, ни сухого юмора. Кровь окрашивала рот и подбородок Рена. В его груди, между ребрами, застряло лезвие. Одно из лезвий Тириана.

— Нет... пожалуйста, нет, — глаза Жона переползли на Нору, видя то же самое. Миниатюрная девушка не двигалась, не дышала и, несмотря на открытые глаза, она не воспринимала мир вокруг. Слёзы застлали взгляд, и он прижался лбом к Рену. — Нет, нет, нет! Пожалуйста. Не так.

Пульс! Должен был быть пульс. Его Проявление могло помочь им. Ему просто нужно было, чтобы они оставались живы. Его руки устремились к горлу товарища по команде, пальцы мяти артерии и пытались хоть что-то нащупать. Когда это не удалось, он разорвал рубашку Рена, проигнорировав кровь, и прижал ухо к груди мужчины. Его собственное сердце билось в его ушах, но Жон изо всех сил пытался услышать другое. Его глаза закрылись, когда он пытался

отгородиться от всего остального. Что угодно — умолял он. Должно быть хоть что-то. Не бросайте меня, вы двое. Я не могу потерять вас, как потерял Пирру.

И не услышал ничего. В отчаянии, он переполз к Норе, извиняясь, когда пришлось оголить её верхнюю часть тела, выставляя напоказ розовый бюстгальтер, и прижался ухом возле него. Она проснется, чтобы увидеть его таким — он был уверен. Накричит и поколотит его, и они оба посмеются над этим позже...

Только этого не случится, потому что не было никакого пульса. Нора больше никогда не проснется. Из него вырвалось сломленное рыдание. Ещё один человек, которого он не успел спасти. Просто ещё один товарищ по команде, которого он не смог защитить из-за своей слабости. Он думал, что его слезы высохли после Пирры. Но нет. Всё больше их текло, и он плакал над друзьями, притягивая их тела к своему. Это... было ли это тем, за что они боролись и за что проливали кровь? После стольких совместных тренировок и боев... Как это могло закончиться так?

Звук дыхания впереди заглушил его боль.

Это не дыхание Норы или Рена, но это, бесспорно, было дыхание — даже если оно и было слабым. Кто-то ещё остался жив. Жон снова взял свое оружие и использовал его в качестве костыля, уже чувствуя себя немного лучше.

— Я вернусь за вами двоими, — пообещал он, глядя в последний раз на своих друзей. — Вы получите надлежащее погребение. Я обещаю.

Но сейчас он должен был увидеть, можно ли спасти кого-то ещё. Он уже потерял слишком много, и потерять ещё больше он не может. Это было бы просто несправедливо.

Всё больше тел показывалось на глаза, когда Жон Арк выволок себя к руинам сквозь обломки. Некоторых из них он знал, других — нет. Некоторые носили форму Атласа, старую и рваную, не поддающуюся ремонту и лишённую снежинки — символа сожжённого Королевства. Другие были Охотниками из Вейла и Вакуо — выжившие, которые пришли с ними. Были и неизвестные ему: в конце концов, все здесь собрались, чтобы попытаться убить своего врага раз и навсегда.

И что еще хуже, некоторых он знал. О некоторых он заботился. Сан глупо уткнулся в потолок с пробитой грудью. Блейк лежала поверх него, умерев в бесплодной попытке защитить человека, которого она могла бы полюбить. Нептун смятой марионеткой прислонился к стене рядом с ними. Скорее всего, он пытался выиграть время для партнёра. Перед ними, пронзённый множеством орудий, лежал Тириан Кэллес. Они убили своего врага даже ценой собственной жизни. Не было ничего, что он мог сделать для них.

— Вас я тоже похороню, — пообещал им Жон. Его голос сорвался на последнем слове.

Должен был быть хоть кто-то, кого он мог бы спасти.

Янг не выжила. Она была убита Хейзелом — победила его с помощью Вайсс, но погибла в процессе. Там были и Гримм — в количествах, никогда ранее не виданных. Вайсс выжила, двинулась дальше, и теперь лежала сломанной куклой в кольце белых доспехов солдат. Она была так явно мертва, что даже не было смысла искать пульс. — Я... — треснул голос Жона. — Я вернусь за тобой...

Получается так много могил. Ему придётся копать их в одиночку? Нет, он слышал кого-то впереди. Здесь, с ним был кто-то ещё.

Не Оскар, чьё дыхание стихло, если Оскар вообще ещё существовал к концу. Тело мальчика было пришпилено к стене странными шипами, но улыбка, застывшая на его лице, выглядела не иначе, как победной. Это улыбка была пугающей. Ни один ребёнок не мог принять смерть с таким спокойным удовлетворением. С другой стороны, в конце он вообще перестал быть Оскаром. Остался только Озпин.

— Это стоило того? — Жон хрипел, гнев проник в его голос. — Первой была Пирра, затем Кроу и Оскар, а теперь это Рен, Нора, Янг, Блейк и Вайсс. Сколько еще, Озпин? Сколько должно умереть для тебя, чтобы ты получил то, что хочешь?

Ублюдок не ответил. Он уже победил.

Жон двинулся дальше, борясь с затрудненным дыханием, даже когда он переступал через мёртвое тело Синдер и продолжил двигаться вперед. Только боги знали, к каким случайным девочкам отправились силы Дев, пройдя сквозь Ремнант. Ему было всё равно. Ему никогда не было интересно. Эта сила забрала Пирру, и если он никогда не увидит её снова — какой в этом смысл?

Победа под руководством Озпина ещё никогда не была такой горькой. Он обещал им лучший мир. Они получили только пепел. Может быть, люди в будущем будут пожинать плоды их действий, но это будет отдалённое будущее. Был хороший шанс что люди продолжают и дальше грызться и, возможно, человечество вымрет в результате. Сложно было сказать. Ещё труднее было представить себе жизнь в одиночку.

Ноги несли Охотника через каменный зал, сквозь столп лунного света, к маленькой фигурке, смятой на ступеньках, ведущих к возвышению. Красный цвет плаща, казалось, растворялся в скопившейся вокруг неё крови, вытекшей из тела.

— И ты тоже? — закричал Жон, уронив меч и бросившись вперед. — Руби, пожалуйста! Только не ты!

Она лежала на боку: одна рука под ней, другая примостилась рядом. Её лицо склонилось в сторону, серебряные глаза закрыты, но губы сложились в крошечную улыбку. Для неё не имело значения, если она умрёт, пока она была героем. Руби была самоотверженной — или, скорее, эгоистичной. Она никогда не думала о том, что могут чувствовать другие. Его слезы плеснули на её бледную щеку, стекая вниз, будто плакала она.

Его руки метались над ней в поисках хоть каких-то признаков дыхания или биения сердца — неважно насколько они были слабы. Дыхание Жона перехватило. Он открыл в попытке заговорить, но не смог издать ни звука. Слова в любом случае были бесполезны. Она не могла услышать их. Она ушла. Он упал на колени в её кровь, схватившись за голову обеими руками. Это было невозможно. Это просто невозможно.

— Ты не можешь оставить меня здесь! — умолял он, изливая свою Ауру в её тело. Ничего не произошло — это только истощило его. Его Проявлению было не за что ухватиться. Жон попробовал еще раз, игнорируя это, заставляя Ауру вытекать из него, так же, как слёзы падали с его лица. — Пожалуйста, просыпайся. Кто-то... кто-нибудь... пожалуйста.

— Аргх...

Голубые глаза распахнулись.

— Руби?

— Ха... крк...

Это была не Руби. Она не двигалась. Глаза Жона поднялись от неё к самому помосту и трону, который стоял на вершине, у задней стены. Там, упав поверх своего трона, сидел монстр, породивший всё это. Она прерывисто дышала. Зрелище было достаточным, чтобы заставить его кровь кипеть. Она была причиной всего этого. Это была её вина. Охотник схватил меч и встал, борясь с закрывающимися глазами. Он приближался к ней в отчаянном желании разодрать её в клочья.

— Хах... — Салем посмотрела на него. — Арх... ха-ха. Не трать свои силы. Она... ушла.

Женщина — если её можно было так назвать — уставилась на него алыми глазами. Её кожа всегда была цвета бумаги, но теперь она была испачкана кровью. Жилы вокруг её глаз на лице были не такими выраженными, тусклыми, и, хотя она видела, как он подошёл, она не предпринимала никаких усилий, чтобы убить его. Возможно, коса, застрявшая в её груди, могла иметь какое-то отношение к данному обострению гуманизма. Она проникла между грудями и прижала Салем к трону. Хотя её грудь вздымалась и опускалась, дыхание отдавалось сухим хрипом и пузырями малиновой жидкости, разлитой на лезвии Crescent Rose.

— Это ли... то, что ты хотел?.. — прошептала она. Её голос был медленным, прерывистым, и она делала паузы между словами, чтобы сделать вдох. — Вот что... Озпин дал тебе. Это все... ты думал, что это будет так?..

Жон стиснул зубы. Горе, как это часто случалось, сменилось яростью.

— Нет.

— Нет? — умирающий монстр рассмеялся. — Победа редко бывает другой, мальчик. Это... все это... — Она указала на башню и все тела. — Это всего лишь кульминация нашей вечной игры. Вы все были его инструментами. Всегда его шахматные фигуры... точно так же, как... все остальные... во все времена. Не будь настолько высокомерным, чтобы думать, что вы были первыми.

Ли Рен, Пирра Никос, Нора Валькирия, Руби Роуз, Янг Сяо Лонг. Список продолжался, и его глаза вспыхивали при каждом новом имени. Пенни Полендина, Джеймс Айронвуд, Винтер Шни, Гира Белладонна, Оскар Пайн. Было много тех, кого он знал, но, несомненно, в тысячи раз больше тех, о ком он не знал. Члены семей, оторванные друг от друга, разделённые команды или просто мужчины и женщины, которых использовали и отбросили в сторону после того, как они выполнили свою задачу.

— Теперь ты мертва. Их жертва убила тебя. Мы победили, а не ты.

Салем нахмурилась и попробовала пошевелиться, но через секунду или две, попытавшись подняться, она опустилась с усталым вздохом. Crescent Rose не сдвигалась, проникнув не только в неё, но и в трон позади нее. — Я полагаю, что да. После тысячи попыток и десятикратного увеличения числа отправленных на смерть, возможно, неизбежно, что однажды дурак добьется успеха, — она усмехнулась, уставившись на тело Оскара. — Вечный охотник, преследующий бессмертного монстра через весь Ремнант. Странно — я всегда думала, что сказки касаются охотника, убивающего зверя, а не посылающего вперед человеческие волны из детей, чтобы выполнить работу за него.

Его меч дрогнул, когда Жон крепче сжал рукоять, а его суставы захрустели. Это был бы лучший результат. Вместо этого охотник нашел союзников — глупых союзников — и заставил их сражаться и умирать за него. И Руби, его первый друг, была в числе тех, кого послали на погибель. Она следовала за Озпином, не задумываясь, пожертвовав своей жизнью. Для неё любая цена стоила возможности мира без Гримм.

Она умерла за планы Озпина.

Так же, как Пирра...

— Убей меня, — прошипела Салем. — Прикончи меня. Я не буду сопротивляться. Я не могу причинить тебе большей боли, чем перспектива прожить остаток своей жизни, зная, что ты никогда не вернёшь их. Твои близкие умерли, чтобы купить тебе этот шанс, так что не трать его попусту сейчас.

Ярость вспыхнула у него перед глазами, но он сдержал её, не желая клевать на наживку. Она была уже мертва, и они оба это знали. Она просто хотела закончить всё быстрее, или, может быть, получить последний шанс убить его перед тем, как умрёт сама. Вместо этого он стоял на расстоянии нескольких футов, наблюдая, как её самодовольство исчезло, и она сердито упала обратно на свой трон, истекая кровью. Она была будто мертвая.

Конечно, как и все остальные.

— Не так это все должно было закончиться...

— Тогда как должно? — спросила Салем, удивив его тем, что она даже озаботилась слушать его. — Ты бы приехал сюда убить монстра, чтобы потом уйти с девушкой в закат? Таков был твой план?

Нет, в планах было приехать в Бикон, завести друзей, стать Охотником и найти прекрасную девушку, чтобы быть с ней. Это могла быть Пирра, если бы он не был так слеп. Это могла бы быть даже Руби, если бы она не была такой самоотверженной.

— Ты знаешь, мальчик... Все ещё может быть по-другому...

— Не играй со мной, — огрызнулся Жон. Сгосеа Morgs, сверкнув, уперся в её грудь; он был готов навалиться на него всем своим весом, пронзая врага. — Я не идиот. Мои друзья мертвы. Всё, что мне дорого, мертво. Стены Вейла пали, и люди живут в ужасе. Охотники Хейвена уничтожены, и бандиты осмелели. Айронвуд мёртв, а Атлас в руках Жака и SDC, в то время как Вакуо был стёрт с лица земли, поглощён пустыней и Гримм! Академии Бикон, Хейвен, Шейд и Атлас — все исчезли! И всё это из-за тебя, — взревел он, — Это твоя вина!

— Моя вина... или Озпина? Это он решил спрятать Реликвии там, где он это сделал. Он был тем, кому было поручено защищать их, и всё же вместо того, чтобы сделать это, он нашел их сам, чтобы превратить их в оружие, которое можно использовать против меня. — Салем указала на косу, торчащую из неё. — Вини меня, если хочешь, но не смей игнорировать свои собственные действия, дитя. Я бы никогда не нашла их, если бы ты и Озпин не привели меня к каждой по очереди. Озпин знал это. Он считал, что это стоит риска и жизни всех тех, кто погиб. Я могу быть виновна, но вы и ваши действия приложили руку ко всему, что произошло.

Его дыхание стало прерывистым. Была ли она права или нет, уже неважно. Он давно потерял веру в Озпина, но никто больше не слушал. Янг послушала бы, возможно, но она всё ещё была на стороне дяди Кроу и Руби, когда наступил перелом. Эти двое сделали бы все, что сказал бы директор. А может быть... может быть, Рен и Нора встали бы на его сторону, если бы он высказался. Нет, он был уверен, что они бы встали. Но он этого не сделал. Не высказался. Он был запуган, рассержен, скорбел и отчаялся, надеясь оставить решение кому-то другому. Кому-нибудь.

Так много шансов, чтобы сделать что-то другое. Это было забавно, за исключением того, что он смог увидеть те шансы только сейчас — когда было уже слишком поздно, чтобы принимать какие-либо решения.

— Конечно, — прошептала Салем, — у тебя все еще есть шанс спасти своих друзей.

Глаза Жона вскинулись в гнев. Он оперся на свой меч, вонзая в нее острие.

— Ты лжёшь!

— Что даст мне ложь сейчас?

— Ты хочешь жить. Ты хочешь, чтобы я тебя пощадил.

— Дурак. — Салем горько рассмеялась. — Я уже мертва. Даже твое прелестное Проявление не может предотвратить это.

— Тогда ты хочешь обмануть и убить меня, — возразил он.

— Ты уже мертв; если не снаружи, то внутри. Не было бы никакого удовольствия. Я ожидаю, что ты все равно убьешь себя через год или два, или будешь жить жизнью, полной страдания и боли. Если бы я хотела, чтобы ты страдал, я бы предпочла, чтобы ты жил в отчаянии и сожалении, чем умер здесь безболезненно.

Какой монстр. Даже её предсмертные слова были наполнены злобой. Но он должен убить её. Руби уже сделала достаточно, но она, наверное, хотела бы, чтобы он прикончил Салем раз и навсегда. Это было бы правильно.

Но он этого не сделал.

—Что ты имеешь в виду, когда говоришь: «Они могут быть спасены?»

—Интересно? — Салем предвкушающе улыбнулась, но улыбка пропала, стоило только вонзить меч немного глубже. — Я говорю тебе, что есть способ спасти их. Но тогда ты должен предотвратить всё это.

— Объясни.

— Именно присутствие здесь привело их к смерти. Этот маленький план Озпина, который позволил им пожертвовать собой ради моего конца. Не допусти этого, и твои друзья всё еще будут живы сегодня. Всё, что тебе нужно, это шанс вернуться и изменить это. Я могу дать тебе его.

— Шанс изменить то, что уже произошло? — Арк сплюнул. — Ты говоришь о путешествии во времени. Ты говоришь, что можешь отправить меня в прошлое?

Когда она не стала это отрицать, его характер вернулся к жизни. Она издевалась над ним! Она подарила надежду, а затем растоптала её, вернув всю его боль на передний план. Он приготовился убить монстра ещё раз, отведя меч назад для последнего удара. Его глаза вспыхнули чистой яростью.

— Подожди, подожди, подожди! — Салем тяжело вздохнула, ожидая смерти. Но он сделал паузу, хоть и чувствовал, что не должен. Когда она увидела это, то быстро объяснила. — Я имею в виду путешествие во времени в несколько ином смысле. Тебе не показалось странным, что Озпин никогда не умирает, что он не тронут временем и способен жить от одного хозяина к другому?

— Он сказал нам, что проклят Богами.

— Боги покинули Ремнант очень давно. Разве он не говорил вам это?

Жон скривил брови.

— Кроу говорил. И что с того?

— Боги исчезли задолго до того, как я появилась, и задолго до появления Озпина в Ремнанте. В таком случае, как боги могли проклясть его?

Никак...

— На самом деле, он не лгал. Его проклятие возникло в результате моих действий, и в то время я считалась сродни Богу, поэтому такое прозвище могло быть для меня достаточно хорошо. Это не было самоцелью для меня. Я убила его, но в спешке сделала так, что его душа стала связана с моей судьбой. — Она усмехнулась над иронией. — Как ты видишь, хотя он был могущественным Волшебником в свое время, я была сильнее. По правде говоря, именно я подарила ему его бессмертие, независимо от того, насколько это был несчастный случай.

— Какое это имеет отношение к путешествию во времени? — спросил Жон.

— С помощью Реликвии Творения я могу сформировать для тебя тело в прошлом. С помощью Реликвии Выбора я могу отправить твой разум обратно, чтобы создать новый. Это та реликвия, которая поставила Озпина в ситуацию, в которой он находился, и я могу повторить это с тобой. Ты умрешь здесь, но твоя душа — твои воспоминания — вернутся в новое тело. Ты будешь существовать вне течения времени и, таким образом, будешь способен вносить изменения. Ты мог бы это остановить, — жестом указала она на тела и обломки, — Всё произошедшее.

Его руки дрожали. Часть его, большая часть, отказалась поверить в это, хотя бы для того, чтобы избавить себя от боли быть неправым. Если бы это был какой-то жестокий трюк, это сломало бы его. Не надейся, подумал он. Она просто пытается тебя обмануть. Она пытается сделать тебе больно.

Ничто не приносит столько боли, как надежда, особенно когда она раздавлена. Он познал это достаточно хорошо.

— Ты просто убьёшь меня, — спросил Жон. — Почему я должен доверять тебе?

— Посмотри на себя, мальчик. Ты уже ходячий труп. Что ты собираешься делать, когда убьёшь меня? Возможно, ты их похоронишь, но потом уйдёшь в пустыню, чтобы умереть. Я могу убить тебя, да. Но я уже могла бы убить тебя, если бы захотела. Это может быть или не быть ловушкой. Ничто из того, что я скажу, не убедит тебя в обратном. Тебе решать, стоит ли риск того.

Кончик его меча дрогнул.

Было фантастическим и глупым рассмотреть её предложение. Он будет отматывать свою жизнь и для чего — шанс вернуться назад и сделать то же самое? Шанс изменить положение вещей так, чтобы люди не умирали. Что если он сможет спасти Руби, Рена и Нору? Что, если он сможет спасти Янг, Блейк и Вайс?

Что, если... что, если он сможет спасти Пирру?..

Его глаза прослезились, когда на него обрушились воспоминания о горе, боли и многом другом. Салем была права, чёрт возьми. Прямо сейчас он был ходячим мертвецом. У него не было причин жить или каких-то планов на будущее. Все, кто ему дороги, были мертвы. Все!

Если подумать об этом безумии, слова Салем имели смысл. В любом случае она была мертва, и независимо от того, убила бы она его или он умер, пытаясь притащить свое раненое тело в Вейл, результат был бы одинаковым. В таком случае, почему бы не пойти на крайние меры? Ему нечего терять. В любом случае мир был в смятении. После того, как они прибыли в Атлас, привлекая Салем и её союзников, город прошел через ад. Айронвуд пытался помочь им, но был предан, убит, и Жак Шни увидел в этом шанс получить ещё больше влияния, заняв вакуум власти и взяв под контроль всё королевство. Жон будет убит, как только он вернется к цивилизации. Жак выставит его как козла отпущения — если разгневанные и скорбящие семьи не сделают это первыми. Даже его семья была мертва, отслежена и убита Тирианом в попытке поймать его в ловушку. Это был не тот мир, который обещал им Озпин. Это был ад.

Салем увидела его внутренний конфликт и улыбнулась.

— Ты мог бы изменить многое. Ты мог бы сохранить их всех в живых. Ты мог бы изменить тот мир, который есть сейчас и сделать его лучше.

— Зачем? — он должен был это спросить. — Почему ты хочешь отправить меня обратно? Что ты можешь с этого получить?

— Разве это не очевидно? Если ты вернёшься и вмешаешься, этого может не произойти. Это шанс, что я выживу.

— Я не на твоей стороне. Я всё равно убью тебя.

— Ты, конечно, попробуешь... но ты можешь потерпеть неудачу. Гамбит Озпина сейчас был

успешным, в немалой степени благодаря готовности его пешек пожертвовать свои жизни. Твоя победа здесь — пиррова, и если ты вернёшься и будешь искать другой путь, есть шанс, что ты потерпишь неудачу. Мне нужно именно это. Этот шанс — всё, что у меня сейчас есть, когда моя жизнь угасает на твоих глазах.

С её точки зрения это имело какой-то извращённый смысл... И даже если такая честность удивляла, она, должно быть, знала, что это не изменит его ответа. Если он хотел снова увидеть своих друзей живыми, ему нужно было принять это предложение. И хотя это значило, что Салем будет жить, это также означало, что у него будет ещё один шанс убить её.

Шанс сделать это должным образом — подготовившись к битве, а не устремляясь за Озпином, как ягнята на бойню. Салем не ошибалась: Озпин пожертвовал ими ради этого. Не только их командами, но и всеми четырьмя Королевствами. Человечество выживет, но неизвестно, сколько будет длиться бойня. Еще одна война фавнов — наверняка. Белый Клык натворил слишком многое. Даже может начаться Великая война, если SDC увидит в слабости других возможность. Ни у кого не было сил противостоять им.

— У нас не так много времени, — предупредила Салем. — Принимай решение.

Не было никаких колебаний. Должны были быть — он знал, но не было. Возможно, он был слишком истощён, слишком эмоционально истощён, или просто устал от всего. Если она убьёт его — хорошо. Ему всё равно незачем было жить.

— Я сделаю это. Отправь меня обратно.

Салем улыбнулась — ну, или хотя бы попыталась. Кровь текла с её губ, она кашляла, её тело дрожало.

— Нет времени, — проговорила она. — Иди сюда. Я верну тебя в другое время, и то, что ты сделаешь, будет твоим выбором. Ты будешь существовать вне времени, как мой аватар — а это значит, что любые изменения, которые ты совершишь, не обратятся вспять и не удалят тебя из существования. Что хорошо для меня, так как иначе, предотврати ты произошедшее, вызвал бы временной парадокс. Тебе не нужно об этом беспокоиться.

— Я не буду, — сказал Жон, чувствуя странное покалывание. Она взяла его за левую руку, и по ней прошло странное ощущение жара, заставляя его шипеть. Он пытался отстраниться, но она не отпускала.

— Это мой знак, — сказала Салем, как только закончила и наконец отпустила его. Там, на тыльной стороне его руки, на его плоти был выжжен странный символ: вертикальный глаз, который, казалось, был пойман в сеть, растянутую на кольцо. По внешней стороне символа были отмечены четыре точки компаса. Он повернул руку, удивляясь тому, что появилось на его ладони. — Необходимо было связать твою душу с её новым вместилищем. Для меня было бы неловко, если бы я промахнулась и отправила твою душу в забвение. Эта метка соединит их и станет мостом для твоей души. Моё выживание теперь зависит от твоего. Не умирай прежде,

чем ты сможешь всё исправить.

Салем протянула руку и коснулась одной из реликвий, которые были помещены в оружие Руби. Она мерцала и искривлялась, из неё изливался свет — вниз по Crescent Rose и в тело Салем. Женщина съежилась, её голова откинулась в сторону: эта энергия разрушала её изнутри. Тем не менее, она опиралась на него.

— Что такое Реликвии на самом деле? — спросил Охотник.

— Это реликвии, — прошипела она, как будто это всё объясняло. — Это всё, что осталось от далекого прошлого, так же, как ты скоро станешь пережитком будущего, которое никогда не должно произойти. Они — сила. — Яркие белые линии растянулись сверху, под ним и вокруг него. Глаза Салем светились, и кровь текла с её губ. — Иди. Измени прошлое и спаси своих глупых друзей. Предотврати этот фарс и верни мне власть.

— Я сделаю это, — пообещал Жон. — Но как только я это сделаю, я приду и убью тебя. Я приду с армией, большей, чем эта, и на этот раз мы будем готовы. У тебя не будет и шанса, без знания обо мне ты даже не узнаешь, пока не станет слишком поздно.

— Посмотрим, мальчик, — Салем усмехнулась. Это был шанс, и он знал, что она им воспользуется. Лучше плохой шанс, чем медленная смерть.

Мгновение спустя мир залила тьма. Земля под ним, казалось, исчезла, и он упал набок, только чтобы повиснуть со странным ощущением воды, стекавшей по его коже и омывавшей тело. Парень почувствовал, как его тело, его кости и органы сжимаются и проталкиваются через узкую трубку. И затем, с грохотом, солнечный свет накрыл его.

Его лицо поцеловало камень через секунду.

— Ох, моя голова...

Что-то било его по голове — даже казалось, что это острый предмет, который хочет пробить череп и выйти с обратной стороны. Жон чувствовал, будто его голова оказалась в ловушке, в тисках ужасного хирурга, выполнявшего операцию без наркоза на его головном мозге. Раздрай в мыслях был лишь мгновение, прежде чем нахлынула память — воспоминания о той тёмной башне и телах его друзей.

И о безумной сделке, которую он заключил с самим дьяволом.

— Это сработало? — он сел, задыхаясь. Через секунду его охватила боль, и он протянул руку к затылку. — Чёрт возьми. Что меня ударило?

Что-то острое укусило его руку.

— Оу!

— Кар! — малолетний Невермор сердито кричал, шокированный (или, возможно, просто безумно злой), что его добыча теперь не спит. Он снова клюнул парня в затылок — вернее, попытался. Рука Жона схватила его за шею. Он едва взглянул на свой меч, прежде чем решил просто ударить маленькую злобную тварь о землю, убивая её.

Мгновение спустя он пошатнулся, вытирая руки после ненавистой твари, превратившейся в ничто. Его голова чувствовала себя ясно, даже более того. Головной боли не было — просто глупый Невермор, пытавшийся убить его, пока он был без сознания. Он потёр свой пострадавший скальп и поморщился от яркого солнечного света.

Подождите, солнечный свет? Во время их атаки была ночь.

Его охватила паника, страх и волнение, и он слетел с камня, на котором сидел, неустойчиво приземлившись на две ноги и оглядываясь вокруг. Он был в Гриммлэнде, что было ясно видно по местности, в которой никто не мог ошибиться — волдыри камней разных оттенков фиолетового и черного. Тем не менее, в небе было солнце, и более того, на него напал Гримм.

Если Салем была мертва, их больше не должно было быть. Если только это не последние их остатки, подумал он. Был еще шанс, что это был ужасный сон, или что она обманула его. Он осмотрел горизонт, чтобы найти то, что, как он знал, ответит на этот вопрос раз и навсегда. Рассматривая плоскую и изрытую местность, было нетрудно обнаружить высокую коническую фигуру тёмной башни Салем.

Она всё еще стояла.

Он был в прошлом.

— Это сработало... на самом деле сработало. Я... — он проверил себя, прежде чем продолжить. Две руки, две ноги, лицо, которое было похоже на его собственное, и у него даже был с собой свиток — явно вне зоны сигнала. Он сделал снимок своего лица и проверил его — просто чтобы убедиться, что его не превратили в какого-то изуродованного мутанта или Гримм.

Он был собой. Его кожа была немного испачкана и потерта, щеки — багровыми, а глаза наполнены усталостью, но он, несомненно, был в своем собственном теле. Или в новой конструкции, если словам Салем можно доверять. Парень поднял левую руку, осматривая знак, который она ему дала. Тот выглядел как ожог на коже по обеим сторонам его кисти, хотя сам

символ выполнен удивительно детализировано. Он должен скрыть это, если действительно хочет вернуться. Озпину не понравятся такие знаки на теле.

Тело Жона застыло в процессе натягивания одной из коричневых перчаток. Озпин был еще жив. И если Озпин был еще жив, это означало...

Слёзы наполнили его глаза.

— Сейчас не время для этого, — прошептал он. Он должен был прервать как улыбку, так и слезы, то и дело срывающиеся с глаз. Если башня стояла, то нападения не было. Отсутствие атаки — отсутствие смертей, что означало, что все были ещё живы и здоровы.

У него действительно был шанс исправить всё. Впервые он позволил себе впустить надежду, которая балансировала на грани его сознания. Это был опрометчивый шаг, который вымотал его почти мгновенно. Надежда угрожала полностью сокрушить его, хотя еще предстоит выяснить — будет это от того, что он зарыдает от облегчения или закричит от радости.

— Или не будет, — прошипел он, борясь за контроль. — Я могу вернуться, но ещё ничего не исправлено. Озпин уже имеет свой злобный план. Мне нужно сломать его, но как? Руби и Кроу на его стороне, и все по умолчанию доверяют Руби.

Он тоже — и он сожалел об этом. Руби была великим лидером, но в этом и была суть — она была хорошим лидером и не руководила ими. Озпин руководил, и он либо не был так уж хорош, либо со временем изменился и больше не заботился о последствиях своих решений. Не слишком великая цена, чтобы раз и навсегда покончить с Салем — по крайней мере, для него.

— Я не могу допустить, чтобы это произошло. Даже если это означает, что Салем проживет немного дольше, должен быть способ, который действительно выиграет будущее, достойное того; где Вейл, Вакуо и Атлас не окажутся в руинах. — Это в том случае, если его отправили назад достаточно далеко, чтобы на самом деле изменить будущее. Что, если он отправился только на неделю или две назад?

Или... что, если его отправили ещё дальше обратно? Что, если Салем сделала всё возможное и отослала его назад достаточно далеко — раньше, чем он присоединился к Бикону? Что делать, если у него была возможность работать с самого начала; спасти не только Руби и его команду, но и Пирру?

Слезы вернулись. На этот раз он не удержал их все и несколько стекли по его щекам. Если он ошибся, сила разочарования может его раздавить... он покачал головой. В любом случае, его первый шаг был ясен: он должен был выяснить, как далеко в прошлое он попал. Лучший способ сделать это — отправиться в Бикон... или Вейл, если Бикон уже уничтожен.

Если сейчас он в Гриммлэнде, это будет немного сложно. Остров, на котором пряталась Салем, находился ближе всего к Вакуо, который — если бы он еще стоял — имел транспорт, на

котором он мог бы добраться до Патча, а затем до Вейла. Даже если он не обнаружит Вакуо целым, это дало бы ему хорошую отправную точку, в каком времени Жон был, и если он ещё стоит, то его ССТ тоже. Это была очевидная первая точка маршрута, хотя, естественно, между Вакуо и Гриммлендом было мало паромов. Точнее, никакого транспорта вообще не было, кроме того, что в собственности Салем.

Единственными вариантами было: попытаться пересечь океан самому — что было глупо — или добраться до берега и попытаться собрать плот; второй план всё ещё был довольно оптимистичным, но это чертовски лучше, чем пытаться пересечь вплавь всю эту воду самостоятельно.

Из-за истощения и боли Жон с трудом встал со скалы, к которой его доставили, нагнулся, чтобы поднять *Crocea Mors* — который валялся рядом с ним — и пошел через Гриммленд на юг.

Нечего было терять время.

Если башня, её слова, и смена времени на дневное не убедили бы его, что он в прошлом, то количество Гримм в округе — вполне. Нападение на башню Салем было массированным, сочетая в себе то, что осталось от лоялистов и войск Атласа, которые следовали за Винтер и Вайс в ссылку, а также Охотников и Охотниц из Вейла, Вакуо и даже Менаджери. Многие из них погибли на подходе, сражаясь с Гримм, но сейчас их тела не устилали пейзаж. Фактически, были только Гримм — и Жон должен был пробиться через парочку из них в своем путешествии к береговой линии.

Может быть, это был его цинизм, или, может, его ум просто пытался защитить его от краха надежд еще раз. Тем не менее, с каждым часом его походка становилась всё увереннее, а глаза светились чуть ярче.

Планы, которые Жон прогнал в своей голове, помогли отвлечься от унылого пейзажа: планы о том, как подойти к определенным людям, что сказать — какую информацию он мог бы дать. Озпин был вне этого списка, понятное дело. Если он узнает, что Салем можно убить, то захочет, чтобы события повторились. Руби и Кроу могут не поверить ему без убедительных фактов, но есть некоторые, которым он может предоставить доказательства.

Винтер была хорошим выбором, поскольку в зависимости от того, как далеко в прошлое он вернулся, Жон мог предупредить её о том, что её отец собирается сделать против Айронвуда. Чёрт, если он окажется рядом с Айронвудом и спасет ему жизнь, так даже лучше. Генерал мог вернуть Атлас и использовать всю свою силу против Салем.

Так много вариантов — все они стали возможными, потому что он снова был здесь, но на этот

раз со знанием того, что может — и не может — произойти. Конечно, эти планы всегда упирались в то, когда... или как далеко он был отослан, становясь неясными в деталях. Всё станет понятнее, как только он доберется до Вакуо.

Береговая линия Гриммлэнда была лишена деревьев или растительной жизни, как и большая часть самого острова, но это всё ещё был берег, и это означало, что вокруг было много мусора, прибитого дрейфом, захваченного приливами и течениями. В то время, как Охотник собирал куски дерева, достаточно хорошие для плота, он уловил проблеск серого с одной стороны — слишком светло-серого, чтобы быть естественным, и застрявшего между водорослями, выброшенными на пляж. Он поспешил смести их в сторону, обнажив гладкую панель, инкрустированную ракушками, с выцветшей надписью пониже, теперь нечитаемую из-за времени и износа.

Пусть это была маленькая рыбацкая лодка — маленькая и ветхая, больше похожая на те, что используются на озере, но не в открытом океане. Но у неё сзади был двигатель, и быстрый взгляд показал, что внутри есть немного топлива. Кто-то, должно быть, свалился за борт или был убит Гримм, и лодка, естественно, прибилась сюда, оставшись на пляже.

«Беда одного человека — это удача другого», — размышлял Жон, стараясь оторвать от неё больше сухих и мёртвых водорослей. Лодка была в достаточно приличной форме: немного сгнившая, но на ней было покрытие, препятствовавшее тому, чтобы это корыто окончательно рассыпалось трухой. Она будет плавать, и это было единственным, что имело значение. Он потащил судно за киль вниз до прибоя, борясь с мягким песком и острыми ракушками, которые угрожали истощить его Ауру при малейшем прикосновении. В стороне нашлись два весла, частично гнилые, но, вероятно, всё ещё пригодные для использования.

Маленькая юркая лодка стоила всех хлопот, особенно если она вывезет его отсюда до того, как Гримм со всего острова начнут замечать одинокого человека среди них. Ему повезло, что этот второй шанс вырвал его разум из трясины самоистязания, в противном случае все его прежние страдания привлекли бы их к нему, как мотыльков к свече. Как бы то ни было, он был слишком взволнован, чтобы чувствовать себя подавленным.

Его друзья не были мертвы. Не здесь. Они были ещё живы — и, вероятно, интересовались, где он.

Он хлопнул в ладоши, как только лодка оказалась на краю отмели.

— Итак, мне нужно дойти до города, добраться до ССТ и выяснить, как далеко назад меня отправили.

И потом, в любом случае, нужно двигаться в Бикон, чтобы попытаться спасти своих друзей и будущее Ремнанта. Одним последним усилием Жон вытолкнул лодку на мелководье, прыгнул внутрь и завёл мотор. К его удовольствию, она не протекала и с третьей попытки двигатель, как и его новоприобретенная надежда, ожил.

— Ждите меня, все. Я уже в пути.

<http://tl.rulate.ru/book/67040/1778452>